

ных российских богачей и их подпевал, именующих «простой народ» быдлом!) По преданию, прапрадед поэта проиграл в карты семь тысяч крепостных, прадед — две, дед — одну, отцу проигрывать уже было нечего, но зато он не чурался «мелкого тиранства» в родовом поместье, а вот Некрасов написал перед смертью о себе, что пользовался крепостным хлебом только до 16 лет, далее он никогда не владел крестьянами, потому что «хлеб полей, возделанных рабами, нейдет мне впрок».

Чувство любви к людям, независимо от их происхождения и родовитости, было для Некрасова естественным, и именно оно звучало в стихах. «Его послал Бог гнева и печали, // Царям земли напомнить о Христе», — эти строки из «Пророка», посвященного Николаю Чернышевскому, можно отнести и к самому поэту. Кто как живет, тот так и пишет: да, он-таки стал со временем богачом, «барином», поднявшись к материальному благополучию из крайней бедности, но на стихах сибаритство никак не сказалось — до последнего дня! Значит, не в деньгах, заработанных собственным, а не крепостным трудом, была цель жизни этого умнейшего человека (ум Некрасова отмечали практически все, кто с ним близко общался, да, впрочем, это видно и по стихам), не в славе — он едва ли не самый прижизненно почитаемый поэт в русской литературе, и даже не в «литературном деле» — это ведь Некрасов развернул само течение русской журналистики, возродив «Современник» и влив новую жизнь в «Отечественные записки». Но в чем же тогда? Почему в стихах его так много неизбежного, честного, тяжкого страдания? И почему, несмотря на «некомфортность» этой главной темы, стихи его неизменно вызывают отклик в молодых сердцах? Может, потому, что настоящий поэт всегда идет путем Христа? Дорогой Христа, то есть любви: «Стихи мои! Свидетели живые // За мир пролитых слез!»

И еще: «Я призван был воспеть твои страданья, // Терпеньем изумляющий народ...»

* * *

Мне было десять лет, когда наша семья покинула родное село и переехала жить на окраину райцентра. Мы поселились в половине дома — тесной совхозной квартире с печным отоплением и с небольшим двориком, где находились хозяйственные постройки и «удобства». Здесь, на улице Некрасова (официальный адрес!), я прожила семь лет — до поступления в институт.

В общем, это была та же деревня, что и прежде, только ближе к городу. Перед домом лежала проселочная дорога, потом шел небольшой выгон, где привязывали коз, еще дальше высились беленые известкой строения молочно-товарной фермы — там работал отец.

Легко, сами собой ложились на сердце слова некрасовской «Тройки»:

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.
И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

Много раз, глядя на песчаную дорогу у дома, я твердила эти стихи, восхищаясь их красотой, наглядностью и музыкальностью. Они были и обо мне, конечно, точно описывая и мою задумчивость (частенько я бывала «в стороне от веселых подруг»), и внешность: «На тебя заглядеться не диво, // Полюбить тебя всякий не прочь: // Вьется алая лента игриво // В волосах твоих, черных, как ночь».